

Ф.М. Киселин

«О «Большой элегии Джону Донну»
(1963) Иосифа Бродского»

Публ. П. Ф. Успенского

Феоктист Миронович Киселин в филологическом мире был фигурой примечательной во многих отношениях. Он родился в 1986 г. в городе Опочка (Псковская область). С детства проявлял любовь к литературе и языкам, в 10 лет зачитывался Гумилевым, в 12 – знал почти все стихи Пушкина наизусть, а в 16 лет мечтал создать основательный труд, посвященный поэтике Набокова. Судьба привела его на филологический факультет Московского университета (именно там я с ним и познакомился на одном из спецсеминаров). В Университете Киселин временно оставил русскую литературу ради европейской. Круг его научных интересов расширился: курсовые работы он писал о Рильке, Элиоте и Валери, а его блестяще защищенный диплом был посвящен влиянию Стерна на поэтику Пруста. Старшие коллеги пророчили ему большое будущее. Неожиданно написанной параллельно с дипломом полушуточной статейке о религиозных поисках Твардовского никто не придал особого значения.

С 2009 г. Киселин учился в аспирантуре. Он расширил тему диплома и занимался влиянием Стерна на европейскую литературу первой половины XX в. Зарабатывал деньги переводами. Жил уединенно, большую часть времени проводя в библиотеке. Диссертация его продвигалась медленно, поскольку с 2011 г. ученый (как это «сплошь да рядом бывает у нас с людьми науки») увлекся толкованием воронежских стихов Мандельштама.

В 2013 г. в мировоззрении Киселина произошел перелом. Симпатизируя оживлению гражданского общества, он тревожился из-за изменений в культурной и научной политике. Как умный человек он прекрасно понимал, чем все кончится. И тогда он решил сделаться государственным и почвенником. Это решение далось ему нелегко, но, с его точки зрения, оно обеспечивало возможность остаться в науке (он справедливо предвидел, что почвенническая филология никуда не денется).

Ходили слухи, что он вел переговоры о трудоустройстве в архиве Горького, говорили, что он хотел написать монографию о Демьяне Бедном. Я не знаю, правда ли это. Знаю, что в начале 2014 г. он задумал разоблачающую книгу о Бродском, книгу журналистскую, патетичную. Хотел посвятить ее министру культуры. Думал распространять ее у станций метро (ее бы предлагали со словами: «Хотите знать настоящую правду о Бродском?»). Ее фрагменты он неожиданно мне прислал по почте, один из них публикуется ниже. Не думаю, что текст интересен с филологической точки зрения, – он скорее показателен.

В марте 2014 г. Киселин, уже убежденный почвенник, уже искренне верящий в особый путь России и дополнительную русскую хромосому, отправился в Севастополь. Там, в разгаре торжеств, он неожиданно умер – отравился праздничными чебуреками, к которым испытывал необъяснимую и, как оказалось, роковую тягу.

«О «Большой элегии Джону Донну» (1963) Иосифа Бродского»

«... Бродскому был свойственен имперский размах. Кому еще из поэтов придет в голову называть элегию – «большой»? К чему это? Верно, читатель сам не догадается, что элегия большая. «Маленькая», – подумает. Рассчитывал Бродский так: назову свою элегию «большой», все будут думать, что написал ее большой поэт. Не вышло. Стихи утомительны, скучны. Их содержание можно было бы уложить в 15, от силы – 20 строк. Давайте честно признаемся: невозможно прочитать эту элегию, не пропустив 40–60 строчек.

Не секрет, что перечисления гипнотизируют читателя. Это старинная техника, в чем-то похожая на 25-й кадр. Перечисления вводят читателя в транс, и в этом состоянии полуусыпленное сознание особо подвержено эмоциональному воздействию. Прекрасно известно, что эту технику использовали в гестапо. Фашисты применяли ее к русским военнопленным на допросах. Как мы видим, использовал

ее и Бродский. Именно поэтому, кстати, «Большая элегия» до сих пор циркулирует в сети Интернет и пользуется популярностью у либералов.

Зачем же понадобилась гипнотическая техника нобелевскому лауреату? Я не ошибусь, если скажу, что так называемый поэт хотел подвергнуть сомнению духовный путь России. Во-первых, текст посвящен Джону Донну, талантливому представителю английской поэзии конца XVI–XVII вв. На Запад ориентировался поэт Бродский, писал для западного читателя. Ничто не мешало ему написать стихи о Симеоне Полоцком, русском барочном поэте, старшем современнике Донна, творчество которого, по мнению многих экспертов, оставляет позади так называемую английскую метафизическую школу. Важный аргумент: сами английские филологи признают, что Донн был гомосексуалистом (скорее всего – латентным). А Симеон Полоцкий написал для царских детей «Житие и учение Христа Господа и Бога нашего», укрепив в них нравственность и благочестие.

Во-вторых, давайте внимательно вчитаемся в то, что говорит душа Джона Донна в стихотворении: «Ну, вот я плачу, плачу, нет пути. / Вернуться суждено мне в эти камни. / Нельзя прийти туда мне во плоти. / Лишь мертвой суждено взлететь туда мне». Нехитрая рифма «камни» – «туда мне» маскирует возмутительное содержание этих строк: душа человека, согласно Бродскому, может умереть. Не сомневаюсь, если бы Бродский дожил до наших дней, он бы поддержал варварскую свистопляску трех кощунниц в храме Христа Спасителя (некоторые из них, кстати, недавно ездили в Америку ██████████ – туда, где жил Бродский после малодушного бегства из страны).

Разложение духовной морали, приобщение европейским мнимым ценностям – вот основная цель, преследуемая поэтом. Но ладно бы Бродский это все придумал сам. Ведь он нагло передернул, бесстыдно позаимствовал идею у великого русского писателя Ивана Тургенева, облик которого в человеческом плане до сих пор вызывает сомнения, но творения которого определенно находятся в национальной копилке русских шедевров, определивших, кстати, всю европейскую литературу XX века.

В романе «Новь» (1877), в котором, к слову, гениально изображаются некоторые тупиковые стремления русской интеллигенции изменить общество, приводится такое стихотворение:

СОН

..Все спит кругом: везде, в деревнях, в городах,
В телегах, на саях, днем, ночью, сидя, стоя...
Купец, чиновник спит; спит сторож на часах,
- Под снежным холодом и на припеке зноя!
- И подсудимый спит, и дрыхнет судия;
Мертво спят мужики: жнут, пахут - спят; молотят -
Спят тоже; спит отец, спит мать, спит вся семья..
Все спят! Спит тот, кто бьет, и тот, кого колотят!
Один царев кабак - тот не смыкает глаз;
И, штоф с очищенной всей пятерней сжимая,
Лбом в полус упершись, а пятками в Кавказ,
Спит непробудным сном отчизна, Русь святая!

Ничего не напоминают эти стихи? «Конечно, - воскликнет читатель, - это же начало «Большой элегии...»!». И будет прав. Действительно, это начало пресловутого стихотворения Бродского. И не только начало:

Джон Донн уснул, уснуло все вокруг.
Уснули стены, пол, постель, картины,
уснули стол, ковры, засовы, крик,
весь гардероб, буфет, свеча, гардины.
Уснуло все. Бутылка, стакан, тазы,
хлеб, хлебный нож, фарфор, хрусталь, посуда,
ночник, бельё, шкафы, стекло, часы,
ступеньки лестниц, двери. Ночь повсюду.
<..>
Уснуло все. Окно. И снег в окне.
Соседней крыши белый скат. Как скатерть
ее конек. И весь квартал во сне,
разрезанный оконной рамой насмерть.

Уснули арки, стены, окна, всё.
Булыжники, торцы, решетки, клумбы.
Не вспыхнет свет, не скрипнет колесо...
Ограды, украшения, цепи, тумбы.
Уснули двери, кольца, ручки, кррк,
замки, засовы, их ключи, запоры.
Нигде не слышен шепот, шорох, стук.
Лишь снег скрипит. Все спит. Рассвет не скоро.

<..>

Уснуло всё. Лежат в своих гробах
все мертвецы. Спокойно спят. В кроватях
живые спят в морях своих рубах.
По одиночке. Крепко. Спят в объятьях.
Уснуло всё. Спят реки, горы, лес.
Спят звери, птицы, мертвый мир, живое.
Лишь белый снег летит с ночных небес.
Но спят и там, у всех над головой.

<..>

Джон Донн уснул. Уснули, спят стихи.
Все образы, все рифмы. Сильных, слабых
найти нельзя. Порок, тоска, грехи,
равно тихи, лежат в своих силлабах.

<..>

Уснуло всё. Спят крепко толпы книг.
Спят реки слов, покрыты льдом забвенья.
Спят речи все, со всею правдой в них.
Их цепи спят; чуть-чуть звенят их звенья.

Стихи одного из героев романа Тургенева, конечно, несколько перебарщивают в оценке происходящего тогда на родине. Но какая в них искренность, какая неподдельная боль за происходящее в стране, какое возмущение перегибами царизма! И вот Бродский, человек уже другого века, уже избавленный от ужасов царизма, берет и не скрывая переписывает стихотворный текст из «Нови»! Тургеневский реализм заменяется западной метафизикой, то, что в «Нови» было четко и ясно сформулировано, — бесконечно растягивается, избыточность эта не помещается в сознании читателя, начинается гипноз.

«Подтекст!» — воскликнет либеральный филолог, получающий гранты на Западе. Нет, дорогие мои, вовсе не подтекст (термин, к слову, введенный в оборот американским славистом). Не подтекст, а бесстыдное переписывание кровного и завоеванного отечественной классикой литературного наследия...

~~Не впадайте в оравитиопробу фальшивца
«Большая элегия Джону Донну» (1963) Иосифа Бродского~~

Наш разговор о раннем стихотворении Бродского «Большая элегия Джону Донну» демонстрирует, что пописывающий стишки человек, несомненно, был лишен не только художественного таланта, но и дополнительной русской хромосомы. В поздних стихах это проявляется еще отчетливее, бандеровец наконец-то срывает свою фальшивую маску... <...>

Ф.М. Киселин
<О «Большой элегии Джону Донну» (1963) Иосифа Бродского>
Публ. П. Ф. Успенского